

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА В. С. СОЛОВЬЕВА

В. С. Соловьев (1853–1900), русский религиозный философ, сын знаменитого историка, профессора Московского университета С. М. Соловьева, был ярким представителем «периода систем». По словам О. С. Булгакова, «...система Соловьева есть «самый» полнозвучный аккорд» в истории философии» [1, 70]. Всю свою жизнь В. С. Соловьев стремился синтезировать религию, философию и науку, объединив метафизику, антропологию и историософию. П. И. Новгородцев в речи, произнесенной на торжественном заседании Психологического общества, посвященного памяти В. С. Соловьева 2 февраля 1901 г., называет его блестящим представителем философии права. Всю деятельность Соловьева делят на три периода. Если в первый период он надеялся, что осуществление Софии, мудрости бога в мире может быть достигнуто через христианскую теософию (познание бога), во второй возлагал надежду на теократию, т.е. преобразование человечества через создание справедливого государства и общественного порядка, которые осуществят христианские идеалы, то в третий период он уповал на теургию, т.е. мистическое искусство, создающее новую жизнь согласно божественной истине [2, 129].

Соловьева называют одним из основоположников теории «возрожденного естественного права» в России, представителем либерального консерватизма.

Проблема происхождения права, его сущности, нравственных, религиозных основ, свободы совести постоянно волновала Соловьева. Он рассматривает государство и право с философской, религиозной позиции и трактует философию права как одну из философских дисциплин, относящихся к этике, нравственной философии. В своих взглядах на происхождение права Соловьев примыкает к исторической школе, рассматривающей его вместе с такими проявлениями общечеловеческой жизни, как язык, религия, художественное творчество и т.д.

Право является выражением инстинктивного родового разума, живущего в народных массах, которое Соловьев в работе «Право и нравственность» называет духовным инстинктом человечества, проводником и орудием. С его точки зрения — это «органическое произведение родового исторического процесса».

Для Соловьева первоначальное, обычное право вытекает из непосредственной деятельности родового, народного духа. Однако он предостерегает против односторонней абсолютизации исторического принципа права, как права обычного, и отвлечения от всех других его сторон и элементов. «...В большинстве случаев чисто органическое происхождение права и законодательства является невозможным уже в следствие одних внешних условий» [4, 10]. Кроме органического народного духа, как естественного непосредственного творчества народа, из которого происходит право, Соловьев выделяет определяющее начало права, второй принцип его происхождения — принцип солидарности, договора, достижения общей пользы.

Не анализируя все творчество, обратимся к его философии «всеединства» общества, права и государства, впервые выдвинутые Соловьевым. Для него «абсолют есть положительное всеединство», которое предстает в онтологии как благо, истина и красота, в гносеологии — как «свободная теософия», система цельного знания...» [6, 91]. Соловьев выступает как основатель философского направления — метафизики всеединства, исходящей из интуиции русской духовности, убеждения в цельности и единстве, источной связи и гармонии бытия.

Поиски социальной правды, вера в прогресс занимали важное место в работах Соловьева, который, по мнению П. И. Новгородцева, представлял роль права в свете его высшего идеального предназначения. Субъектом исторического развития, по Соловьеву, является все Богочеловечество, в его духовном, софийном, божественном наполнении, стремлении к Абсолюту.

По мнению В. В. Зеньковского, «это понятие «цельной жизни» есть, конечно, своеобразная транскрипция идеи «Царства Божия», но с тем существенным отличием, что «цельная жизнь» мыслится Соловьевым не как благодатное (т.е. свыше) преобразование жизни, а как «окончательный фазис исторического развития» [1, 26]. Причина распада мира, по мысли Соловьева, — отход его от Бога. Он занят поиском связующего начала между Богом и миром. В «Чтениях о Богочеловечестве» он говорит о том, что западная цивилизация вместо божественного права провозгласила фундаментом общественного строя права человека, основанные на свободе, равенстве и братстве. Однако принцип равенства, равноправность оказались действительностью только для тех, кто имел в данный исторический момент силу.

Общество, государственная власть, правотворчество должны опираться на волю Бога. Французская революция, считает Соловьев, утвердившая в «...принципе демократию, на самом деле произвела пока только плутократию. Народ управляет собою только *de jure*, *de facto* же верховная власть принадлежит ничтожной его части — богатой буржуазии, капиталистам» [7, 8–9]. Свобода и равноправие для большинства оказались на деле равенством нищеты и свободой голода. «Если же говорить о справедливости, то не справедливо ли, чтобы богатство принадлежало тому, кто его производит, т.е. рабочим?» — заявляет Соловьев [7, 9]. Он признает историческую оправданность социализма на Западе, но отказывает ему на осуществление безусловной правды быть высшей нравственной силой.

«...Христианство требует отдавать свое, а социализм требует брать чужое» — считал Соловьев. Справедливость в нравственном смысле, есть некоторое самопожертвование, самоограничение своих притязаний в пользу чужих прав.

Соловьев анализирует несостоятельность средневекового христианства. Он полагает, что средневековые христиане при всей их праведности и святости спасли собственные и многие другие души, «...а общество и мир, от которых они отделились, от которых бежали, остались вне их действия и пошли своим путем» [7, 352], поэтому они не спасли и не могли спасти христианского общества, христианского мира. Вместо общественного у них получилось индивидуальное спасение. Спасти можно только соборно, всем миром.

Власть должна основываться на божественном принципе. «Всякая власть, — писал Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве», — не представляющая собою безусловного начала правды, всякая такая власть есть насилие, и подчинение ей может быть только вынужденное» [7, 12]. При этом Соловьев подчеркивал, что деспотизм одного человека «удобнее деспотизма массы». Однако он выступал как против личного произвола, который грозит анархией, так и чрезмерный общественной опеки, которая ведет к аду деспотизма. Свободное же подчинение должно исходить из нравственного начала, нравственного равенства как безусловного или тождественного. Так как по своей природе люди не равны, поэтому они оказываются в насильственном подчинении друг другу. Исходя из этого, осуществление братства, правды возможно лишь в царстве Божьем.

Соловьев определяет право как отношение лиц, их свободный союз, где то, что не есть лицо не может быть субъектом права. Особо он подчеркивает в праве личностное, рациональное начало, где свобода — признак личности. Из самоограничения собственной свободы рождается право. Свобода и равенство в своем соединении образуют «человеческое общество как правомерный правопорядок». Определяющим началом права выступает разум, который является одинаковой границей всех свободных сил и сферой их равенства. Право — эта свобода обусловленная равенством, т.е. равным ограничением. Здесь свобода обусловлена не только равенством всех, но и действительными условиями самого равенства.

Рассматривая соотношение естественного и позитивного права, Соловьев исходит из их органической взаимосвязи. С его точки зрения, «естественное право есть та общая алгебраическая формула, под которую история подставляет различные действительные величины положительного права» [4, 18–19].

Под естественным или рациональным правом Соловьев понимает общий разум или смысл всякого права как такового, его общую идею. Рациональное и положительное право входят в состав действительного права. Соловьев выступает против противопоставления естественного и положительного права. Он не признает теорию, рассматривающую «чистое» естественное право, как вытекающее из естественного состояния природы, исторически предшествующее праву положительному. Естественное право выступает как необходимое требование разума. Всякое положительное право определяется понятием права, общими его логическими (естественными) условиями. Естественное право выражается, объективируется в праве положительном.

Соловьев считает необходимым основанием всякого естественного права свободу и равенство его субъектов. «Свобода — необходимый субстрат или подлежащее права, а равенство — его необходимая форма» [4, 20]. Как отсутствие свободы ведет к превращению права в свою противоположность — насилие, так и отсутствие общего равенства ведет к неправде, т.е. к прямому отрицанию права, поэтому право выступает как синтез, гармония свободы и равенства. Всякий положительный закон есть частное выражение и применение права. Соловьев особо настаивает на принципе формального равенства. Вне принципа

формального равенства нет закона, поэтому перед законом все равны. Задача закона заключается в том, чтобы соответствовать праву.

Соловьев подчеркивает, что правовой закон соответствует справедливости как по форме, так и по ее реальному существу. Правда и справедливость — это равенство в должном (долженствование). Поэтому справедливость — это понятие нравственного порядка, где правовое начало — выражение справедливости. У Соловьева нравственно-должное — необходимый признак права и правового закона. Хотя нравственный и юридический закон относятся к внутреннему существу человека, его воле, однако первый берет ее в единстве и целостности, второй — частичной реализации по отношению к внешним фактам.

Выделяя внутреннюю, неразрывную связь между правом и нравственностью, Соловьев не признает две крайние точки зрения на право, существовавшие тогда в России. Первая — принадлежала Л. Н. Толстому с его отрицанием права как «гадкого» обмана властей, замаскированного зла, поэтому особые надежды возлагались им на мораль. Вторая — самому «многообразно образованному и систематическому уму» среди русских и европейских ученых того времени Б. Н. Чичерину, рассматривающему право как абсолютное, доминирующее начало, которое не нуждается в моральном дополнении.

Право и нравственность имеют общие и отличительные черты. «Убивать, красть, насиловать — одинаково противно и нравственному и юридическому закону — это вместе и грехи и преступления» [4, 24]. Пытаясь найти основания для их разграничения, Соловьев задается вопросом, в каких пределах узаконивается свобода безнравственного поведения, а безнравственность, грех — не противоречит праву? Это различие великий мыслитель проводит по трем основаниям: по широте требований — нравственные требования выступают в форме идеала, поэтому они не имеют ограничений, а правовые требования ограничены; по степени нормативности — нравственные требования не предписывают, как поступать, а дают возможность выбора, правовые же требования четко предписывают, как поступать или не поступать; и по способу выполнения требований — нравственные требования выполняются добровольно, а правовые — допускают принуждение [3, 65].

Хотя Соловьев отдает приоритет нравственности перед правом, однако он не противопоставляет их друг другу, а говорит о крепкой внутренней связи, когда понятие права и обязанности входят в область нравственных идей и служат их выражению. Автор подчеркивает общую идею права, его содержательное наполнение нравственными принципами. Единство юридического и нравственного начала объединяются в правде, где право — это проявление правды. Право выступает в качестве важного условия нравственного самосовершенствования, на пути приближения к образу Божьему. Поэтому нет такого нравственного соотношения, которое нельзя правильно и общепонятно выразить в правовых терминах. При этом на всех языках нравственные и юридические понятия выражаются одинаковыми словами или словами производными от одного корня.

В терминах «правда» и «закон» одинаково воплощается существенное единство, однородность этического и юридического начала.

В отличие же от нравственности, правовой закон — это низшая, минимальная ступень нравственного состояния, равно для всех обязательная, которая «требует лишь фактической задержки известных крайних проявлений злой воли» [4, 32]. Юридический закон входит в состав закона нравственного.

Между идеальным добром и злой действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла. Право и государство принудительно организуют общественную жизнь, обеспечивая внешние условия свободному, идеальному совершенствованию, которые вместе с тем не должны противоречить человеку, общему благу. Нравственный интерес относится не к внешней реализации добра, а к его «внутреннему существованию в сердце человеческого».

Формальное условие совершенной нравственности (добра) — это ее безусловная свобода. Юридический закон в свою очередь относится только к тем, кто в состоянии его нарушить. Личная свобода требует согласования с общественным самосохранением, поэтому зло должно быть остановлено. Соловьев не сомневается в том, что пока бы одни люди стремились к высшему идеалу, другие упражнялись бы в совершении всевозможных злодеяний и истребили бы первых прежде, чем они достигли бы нравственного совершенства. Само существование общества зависит от его безопасности, которая достигается с помощью принудительного закона. Принудительный закон — это необходимое условие нравственного совершенствования. Нравственное начало требует реального противодействия преступлению. Данное противодействие Соловьев определяет «как правомерное и обязательное средство деятельного человеколюбия, законно и принудительно ограничивающее крайние проявления злой воли не только ради безопасности общества и его мирных членов, но непременно так же и в истинных интересах самого преступника» [4, 114].

Задача права — обеспечение безопасности общества. Соловьев понимает, что вразумлять злодеев и безумцев только силой нравственной проповеди — это кощунство. Нельзя возлагать на Божество то, что может быть успешно сделано хорошей юстицией и полицией. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад» [8, 454]. Требование личной свободы предполагает ее стеснение общественным благом. Из встречи двух нравственно обязательных интересов индивидуальной свободы и общественного блага и рождается право.

Само же право нуждается в силе для своей реализации. Такой силой выступает государство.

Право ограничивает свободу объективными нормами общего блага. Наказание служит восстановлению нарушенного права. Частные права гарантируются государством и защищаются законом. Закон, исходящий от государства, — священ. Поэтому «...право, нарушенное определенным преступным деянием, восстанавливается соответствующим или равным возмездием...» [4, 64]. Вместе с тем уголовно-правовая доктрина возмездия и устрашения лишены логического, нравственного, религиозного (христианского) смысла. Нельзя искать в праве эмпирические основы в мотиве устрашения. Человек не является только

средством или орудием для чьей-либо пользы. Здесь позиция Соловьева звучна с позицией И. Канта в его категорическом императиве.

Соловьев, будучи противником применения смертной казни, отрицает эту «мерзость». В работе «Право и нравственность» он приводит слова своего отца по отношению к смертной казни, услышанные им в отрочестве: «Смертная казнь — это мерзость, это измена христианству» [4, 81]. Кроме того, что смертная казнь нечестна и бесчеловечна, она имеет еще постыдный характер, так как вооруженный человек убивает обезоруженного и связанного. «Будучи противна первоосновам нравственности, смертная казнь вместе с тем есть отрицание права в самом его существе» [4, 97], как отрицание равновесия двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, так как отрицает в себе благо всех единичных лиц без исключения. По Соловьеву, смертная казнь, бессрочная каторга, бессрочное одиночное заключение противоречат нравственному и юридическому смыслу, принципу гуманизма, общему и личному благу.

Если положительный закон находится в принципиальном противоречии с нравственным сознанием добра, то он не отвечает существенным требованиям права и нуждается в правовой отмене. Нравственные вопросы окончательно решаются совестью. Соловьев выдвигает основное нравственное требование — помогай всем, сколько можешь. «Желательна не всецелая свобода зла, а хотя бы некоторая организация добра» [4, 107].

Характеризуя нравственное право, он рассматривает его как действующее, которое заключает в себе условия своего осуществления, т.е. ограждения от нарушений. Признавая необходимость ограждения личной свободы (естественных прав человека) общественной формой, Соловьев настаивает не на внешнем, произвольном ограничении, а на внутреннем, добровольном подчинении общественному интересу или общественному благу. Поэтому закон или право положительное трактуется как определенное в рамках обстоятельств места и времени «ограничение личной свободы требованиями общего блага...» [7, 549]. Рассматривая закон как равновесие частной свободы и общественного блага, Соловьев выделяет его отличительные признаки: публичность, конкретность и реальную применимость, которую он называет властью.

Уделяя особое внимание обеспечению прав человека, В. С. Соловьев не ограничивается только негативными правами, связанными с невмешательством государства в сферу личной свободы, но и требует предоставления со стороны государства гарантий реализации прав личности, прав позитивных. Он формулирует «право на достойное человеческое существование, явившееся впоследствии одним из краеугольных камней концепции социального государства» [6, 94].

Концепция права Соловьева идет в русле российской метафизической традиции, направленной на духовное возрождение общества, наполнение права религиозным, нравственным, духовным содержанием, защиту естественных прав человека. Эта теория — предтеча возрожденного естественного права, его синтетической концепции.

Право — это общая норма, объединяющая коллективные и индивидуальные интересы. Только единство социальных регуляторов: религии, нравственности и права в состоянии гармонизировать общественную жизнь.

Нравственно-идеалистическая концепция права В.С. Соловьева играет важную роль в духовном возрождении права, наполнении его религиозными, гуманистическими, культурными ценностями.

Литература

1. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2, ч. 1. — Ленинград: Эго, 1991.
2. Лосский П. О. История русской философии. — М.: Высш. шк., 1991.
3. Икошпикова Г. И., Ляшенко В. П. Основы философии права. — М.: Инфра-М: Весь мир, 2001.
4. Соловьев В. С. Право и правдивость. — Минск; М.: Харвест АСТ, 2001.
5. Повгородцев П. И. Об общественном идеале. — М.: Пресса, 1991.
6. Поляков А. В. Общая теория права: Курс лекций. — С.Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
7. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. — М.: Правда, 1989.
8. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Оправдание добра. Правдивая философия. — 2-е изд. — М.: Мысль, 1990.

УДК [352.001.73+347.999](477.7-250д)(091)

В. С. Балух

ПЕРВАЯ РЕФОРМА ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОММЕРЧЕСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ОДЕССЕ

Ясский мир, заключённый 29 декабря 1791 года между Россией и Турцией, завершил вторую во времена Екатерины II русско-турецкую войну присоединением к Екатеринославскому наместничеству обширной территории [1]. Под названием Очаковской новообретённая область в силу указа от 26 января 1792 г. включала в себе земли между Бугом, польской границей и Днестром, омываемые на юге Чёрным морем [2].

Так, пустынные степи, именовавшиеся «Диким полем», на которых веками кочевали отсталые скотоводческие племена, вошли в состав могучего Российского государства и стали стремительно приобщаться к более высокому экономическому и культурному уровню европейской жизни.

К тому времени ещё в день 14 сентября 1789 года отряд генерал-майора Иосифа де-Рибаса взял штурмом турецкий замок Ени-Дунья, что в переводе означало «Новый свет», и занял крепостную слободу Хаджибей [3], расположенную в излучине одноимённой бухты.

На первых порах в Петербурге думали воспользоваться Хаджибеем для поселения отставных моряков, преимущественно греков, сражавшихся на русском флоте в Средиземном море. Затем к 1793 году в столице решено было включить Хаджибей в Днестровскую оборонительную линию и для этого воздвигнуть на крайнем юго-западе империи надёжную крепость, к постройке